

18+

ПОРОД ВЕСЕЛЬЯ и ЗЛОБЫ

ХАОС РОЖДАЕТ НОВЫЙ ПОРЯДОК
АЛЕКСИС Л. МЕНАРД

Скованные магией. Хиты ромэнтэзи

Алексис Л. Менард

Город веселья и злобы

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Менард А.

Город веселья и злобы / А. Менард — «Эксмо»,
2024 — (Скованные магией. Хиты ромэнтези)

ISBN 978-5-04-250719-9

Николаи Аттаньо получил все, что хотел: его семья в безопасности, а власть над городом практически абсолютна. Но встреча с Камиллой Маркезе многое изменила, и теперь единственное, о чем Николаи может думать, это похищенная жена. Его опора. Его Милла. Ради ее спасения он готов на все — даже заложить тень, поставив на кон собственную жизнь. Разлученная с мужем, Камилла учится управлять проснувшимися способностями под присмотром безжалостных надзирателей. Жизнь в неприступной подземной тюрьме полна испытаний и боли, но в душе Миллы горит надежда вырваться на свободу и вернуться к своей семье. Хаос дарует ей невероятную мощь и шанс сбежать, но Милле придется обуздать новообретенную силу прежде, чем та полностью поглотит ее. С каждым днем Нико и Милла все ближе друг к другу. И когда они воссоединятся, спокойствию города, который посмел их разлучить, придет конец. Окончание дилогии, ставшей хитом Буктока! Новинка для поклонников книг Ли Бардуго, В. Э. Шваб и Ребекки Росс. Мафия, любовь и магия в декорациях начала двадцатого века. Все самые любимые тренды под одной обложкой: криминальный мир, серая мораль, динамика «от ненависти до любви» и слоуберн. Популярные темы договорного брака и обретенной семьи.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

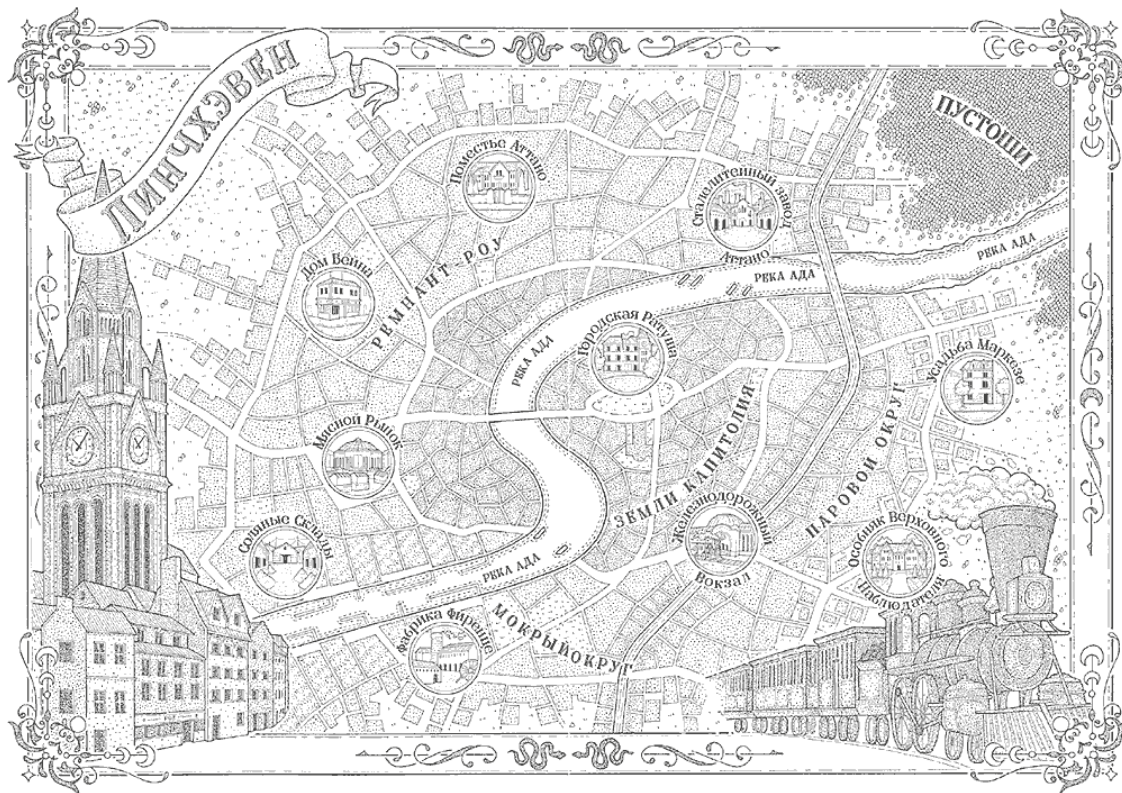
ISBN 978-5-04-250719-9

© Менард А., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Примечание автора	7
В предыдущей книге	9
Пролог	12
Глава 1. Николай	15
Глава 2. Камилла	25
Глава 3. Николай	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексис Л. Менард Город веселья и злобы

Alexis L. Menard

City Of Mirth And Malice

Copyright © 2024 by Alexis L. Menard

Перевод с английского Эрики Воронович

© Воронович Э., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Моей дочери, показавшей мне хаос в его истинной форме. Не дайте никому отнять ваш огонь.

Примечание автора

Предупреждения о содержании:

«Город злобы и радости» – молодежное романтическое фэнтези. В тексте романа присутствуют грубые, в том числе богохульные, выражения и ругательства, а также моменты, которые могут расстроить некоторых людей или показаться им неприемлемыми, например, описание курения и употребления алкогольных напитков, откровенных сцен сексуального характера, сексуальных игр с удушением, газлайтинга в отношении ближайших родственников, а также упоминания самоубийства и смерти родителя. Если вы находите пугающими или неприемлемыми другие моменты, которые не попали в этот список, не бойтесь написать автору, чтобы добавить их в это предупреждение.

В предыдущей книге

После смерти отца, став единственной наследницей железной дороги, принадлежащей ее семье, Камилла Маркезе делает все возможное, чтобы удержать компанию на плаву и не дать ее обанкротить. Ставя интересы синдиката во главу угла и жертвуя даже велениями собственного сердца, Камилла идет на уступки четверым своим братьям и соглашается выйти замуж за алхимика Феликса Фиренце в обмен на инвестиции и уплату огромного долга.

В день свадьбы Николаи Аттано, глава семьи, враждующей с Маркезе, расстраивает церемонию, предложив сделку, от которой Камилла не может отказаться. Они должны на шесть недель стать мужем и женой, чтобы вместе поймать похитителя, известного как Собиратель и наводящего ужас на людей, живущих в части города, подвластной Аттано. После этого все долги компании будут уплачены, а брачный контракт разорван. Камилла соглашается на его условия, однако это ведет к разрыву связей с крайне влиятельным семейством алхимиков и потере их расположения.

Сначала Нико едет с Камиллой в Ньюпорт на скачки, чтобы собрать информацию и начать охоту. Однако Камилла случайно замечает, как Нико тайком пробирается в конюшни, следует за ним и видит его убивающим человека. Ей удается сбежать прежде, чем Нико ее заметит, однако она сталкивается с жаждущими напиться крови веергами, и ее кусают. Укушенная веергом Камилла дожидается возвращения Нико в их квартире и подслушивает его разговор с женщиной по имени Ваня Хартсонг: они бурно обсуждают разрыв своих отношений. Камилла случайно прерывает их, не услышав ничего больше, и Ваня уходит. Однако Нико не успевает расспросить Камиллу о том, как прошел вечер: рана на ее руке начинает болеть, и она теряет сознание.

Несколько дней спустя Камилла приходит в себя в фамильном поместье Аттано и обнаруживает, что братья подослали к ней портниху Сэру, чтобы та передавала им все, что удастся узнать об Аттано. Камилла знакомится с остальными членами этого шумного семейства, восхищается их теплыми отношениями и не может не сравнить их с собственной семьей. Позже Нико заходит в комнату Камиллы, обнаруживает там разгром и понимает, что она похищена веергами, покусавшими ее на скачках.

Нико убивает веерга, ранившего его жену, и тем самым нарушает священный закон, непреложный для потомков Отмеченных Следом. Вместе с Камиллой он скрывается в охраняемой квартире, пытаясь залечь на дно, пока не удастся уладить все проблемы, вызванные его действиями. Охота на Собирателя вынужденно приостанавливается, однако Нико вызывают выполнить работу иного толка для инспектора, отвечающего за правопорядок в Линчхэвене.

Инспектор шантажом заставляет Нико совершать для него заказные убийства. В этот раз в списке жертв оказывается высокопоставленное лицо. Когда Нико уже направляется домой, его арестовывает Общество – местный орган охраны правопорядка. Они предъявляют ему обвинения в убийстве веерга, заключая под стражу без возможности выхода под залог. Узнав об аресте Нико, Камилла отправляется прямо к веергам на переговоры с Сабиной Бьянки – предводительницей всех несущих След Крови и главным конкурентом семьи Аттано. Она предлагает сделку: драться на арене с одним из чудищ, которых Сабине привозят из Пустошей, в обмен на то, что с Нико снимут все обвинения. Чудище жалит Камиллу в спину и оставляет ей на позвоночнике неизвестную метку. Мысленная связь с чудищем отправляет ее за Порог Забвения, где она встречает вестника, который сообщает ей, что Порядок чувствует угрозу от Хаос. Она приходит в себя, когда на арене появляются родственники Нико. Сам Нико пробирается в яму для боев, с помощью родных убивает чудище, атакующее Камиллу, и отвозит ее домой.

Когда Камилла снова может встать на ноги, вместе с Нико она отправляется в Архивный дом, чтобы выяснить, кем была ее мать, и понять, о чем предупреждал вестник. Однако в самом центре Округов на них нападают люди Фиренце. Паре хоть и с трудом, но удается сбежать на проезжающем мимо поезде. Они вынуждены ехать на север, и Нико признается Камилле в том, что он наемник, и рассказывает, почему выполняет эту работу. Поезд приезжает в пункт назначения, и Камилла потрясена до глубины души, потому что это старая, давно заброшенная судоверфь, на которой строят корабль. На принадлежащем ей поезде доставляют запчасти для этого корабля, но Камилла понятия не имеет зачем. Паре приходится прятаться от грузчиков, и у Нико начинается паническая атака. Камилла решает поцеловать его, чтобы отвлечь, однако это выдает их влечение друг к другу.

Вернувшись в город, Камилла отправляется к братьям и спрашивает их о корабле, однако те отказываются рассказывать что бы то ни было, пока она не найдет способ разорвать свой брак с Нико. Она возвращается в Роу вместе с Аттано, а Нико вызывают к инспектору, чтобы выдать последний заказ, исполнение которого намечено на вечер того дня, когда должен состояться Соляной Бал.

В день бала Нико говорит Камилле, что они должны вести себя так, чтобы все гости бала обратили на них внимание и поверили, что они действительно влюблены. В гостевой нише они заходят достаточно далеко, однако Нико быстро и внезапно уходит, оставив Камиллу с ощущением, что ее отвергли, и в смешанных чувствах по поводу его намерений. Она выходит наружу подышать свежим воздухом и сталкивается с инспектором, который рассказывает ей, что, по слухам, на Верховного Наблюдателя – первое лицо города – этим вечером готовится покушение. Сопоставив в уме то, что она знает о Нико, и то, как эта информация может быть связана с предупреждением инспектора, она сбегает с бала, чтобы предупредить Нико, пока он не попался в подготовленную инспектором ловушку.

Тем временем Нико обнаруживает, что Верховный Наблюдатель его ждал. Глава города сообщает ему, что человек, убивший родных Нико, на которого тот ведет охоту, и есть инспектор. Затем Верховный Наблюдатель выпивает вино с заранее подмешанным ядом, и тут в дом врывается городская стража. Подоспевшая Камилла ввязывается в драку, однако ее ранят магическим клинком, который разрушает ее защитную татуировку и высвобождает подавленную силу, о наличии которой она и сама не знала. Сокрушительная сила уничтожает всех и вся на своем пути, позволяя паре сбежать. Нико снова прячется вместе с Камиллой в охраняемой квартире, где они признаются друг другу во всем. В конце концов они объясняются в чувствах друг к другу, занимаются любовью, а наутро их ждет внезапный визит. Сэра рассказывает Нико, что его кузена арестовали. Когда он уходит, Сэра использует свой След, чтобы завладеть сознанием Камиллы и доставить ее на поезд, где ее уже ждут братья. Они планируют бежать из города, пересечь море и добраться до Континента.

Нико на мосту встречается с инспектором, который признается, что он и есть Собиратель. Нико в ответ признается, что Ваня, составлявшая список целей для заказных убийств, давала инспектору совсем не те имена и Нико расправлялся не с врагами инспектора, а со своими собственными. Инспектора арестовывают на основании предсмертной записки Верховного Наблюдателя, а Нико узнает, что Камиллу похитили. Он бросается догонять отходящий поезд, пока ее не увезли навсегда.

Братья сообщают Камилле, что она несет След богини Хаос и что она – единственная обладательница этого Следа. Семья Фиренце состоит в крупной организации, которая ведет на нее охоту, чтобы сокрушить ее силу, а потому братья увозят ее, чтобы защитить. Однако Феликс Фиренце захватывает поезд, и Камилле, не без помощи новообретенных способностей, приходится с боем прорываться к локомотиву, чтобы обезвредить захватчиков и прервать поездку.

Нико запрыгивает на едущий поезд и завязывает драку с Феликсом, но между ними встает Камилла и что-то говорит Феликсу, заставив того прекратить драться. Феликс стреляет в Камиллу, Нико бросается к ней, позволив Феликсу скрыться. Нико стреляет ему вслед, но их окружает густой туман, а потому Нико не уверен, попал ли в цель.

Несколько дней спустя убитый горем Нико получает записку: ему назначают встречу в поезде, которым в итоге завладела его семья. Он встречает Арамиса, старшего брата Камиллы, который сообщает, что его сестра жива. Сэра была перевертышем. Она притворилась Камиллой и пожертвовала своей жизнью, чтобы обмануть Феликса. Однако люди Феликса Фиренце все же выполнили свою работу, и теперь Камилла заперта в тюрьме Хайтауэр. Там она встречается и узнает женщину-алхимика, с которой уже встречалась в прошлом. Испытания ее изменчивого Следа начинаются.

Пролог

Кподножиям Падучих Гор, где пыль и пепел, поднимавшиеся над лагерем для заключенных, указывали на вход в угольную шахту, приближался посетитель, выглядевший совершенно не типично для этих мест. Хотя его нос и рот были плотно закрыты плащом, чтобы хоть как-то фильтровать загрязненный воздух, от мерзкого запаха гари все равно саднило горло: черный дым поднимался от водяного насоса на поверхности, откачивая воду из шахты, где под землей трудились люди, добывая главный источник топлива на Острове.

Работать в шахты отправляли только осужденных. Этот труд был настолько тяжелым, а его условия настолько опасными, что лишь закоренелых преступников, лишенных всех возможных прав, возможно было заставить его выполнять. Рабочий день длился долго и без перерывов, еду и питье давали редко, а ядовитые газы и обвалы породы убивали людей намного раньше, чем подходил к концу срок их заключения.

Охранники показали ему дорогу к караульной и к помещению, куда отводили для беседы с начальником лагеря тех заключенных, кому не хватало мотивации для выполнения нормы выработки. Судя по пятнам на полу и стенах, в которых не было ни единого окна, к заключенным там явно применялись пытки. Пара керосиновых ламп освещала пространство перед столом, за который он присел в ожидании.

Во дворе раздался сигнал паровой сирены, означающий конец рабочего дня.

По пыльному бетонному полу волочились цепи. Запястья и лодыжки заключенного, с которым он попросил встречи, были закованы в кандалы, надежно закрепленные в соответствии с протоколом. Его пристегнули к стулу, накрепко прибитому к полу напротив стола.

Рубашки на нем не было, а тело было покрыто грязью. Если бы посетитель не знал, что волосы этого человека от природы каштановые, то решил бы, что они седые, настолько рудники изуродовали его лицо. Когда заключенный встретился взглядом с посетителем, его перемазанное грязью лицо расплылось в улыбке. Даже в промежутках между зубами было видно следы угля.

– Дающий и Отнимающий! – произнес Гавриэль. – Тебе понадобилось достаточно много времени, но я знал, что ты сюда доберешься. А я говорил этим проклятым предателям, что ты придешь за мной.

– Вы не в восторге от новых условий, инспектор? – ухмыльнулся посетитель.

Лицо Гавриэля исказила гримаса.

– Здесь просто Инферно. Некоторые из заключенных помнят, что это я их сюда отправил. – Он отвел взгляд, и по его плечам пробежала дрожь. – Они делают со мной ужасное, когда Стражи ложатся спать. А рудники, – он шумно закашлялся, – темнее, чем любое место в этом мире. Иногда рядом со мной люди падают замертво, а бывает, что свод шахты обрушивается на головы всей бригады. Я видел, как люди тонут, когда отказывает насос. Надсмотрщики бьют нас плетью по любому поводу...

– Мне так жаль это слышать, – вздохнул посетитель. – Быть может, расскажете мне, как вы докатились до жизни такой, и посмотрим, можно ли с этим что-либо сделать.

Гнев вспыхнул в его глазах, вызвав воспоминания. Гавриэль рассказал, как выпустил из тюрьмы Николаи Аттано, договорившись, что в обмен тот будет совершать для него заказные убийства. С этого момента все и покатилося под откос. Маг, естественно, обманул Гавриэля: он был известен своей изворотливостью.

– Мерзавец Аттано, – прорычал Гавриэль. – Он сдавал мне не тех людей. Мы убивали тех, кто поддерживал Девятку, а не наших противников.

– То есть вы его наняли, чтобы зачистить наше руководство от тех, кто выступает против нас, но вместо этого предоставили ему возможность перебить наших самых ценных сторонников? – уточнил посетитель.

Заключенный, брызгая слюной, с жаром заговорил:

– Это было не по моей вине! Ему помогли! И когда я выйду отсюда, я...

– Успокойся, Гавриэль. Никуда ты отсюда не выйдешь.

Гавриэль съежился.

– Что ты имеешь в виду? Разве ты не освободить меня пришел?

– Зачем бы мне это?

Бывший инспектор с трудом сглотнул.

– Я... я думал, это всего лишь формальность. Чтобы все поверили, что закон соблюдается...

– Ты представлял закон, – злобно прошипел посетитель. – Ты точно знал, кого уничтожал Нико Аттано, и позволил ему это сделать. Остальные хотели проявить жестокость, Гавриэль. Они велели мне бросить тебя гнить здесь после всего, что ты наделал. Однако я не согласен. Я решил, что тебе, возможно, захочется узнать решение Внутреннего Судебного Ордена. Я хотел дать тебе возможность обрести покой прежде, чем рудники тебя убьют.

– И это после всего, что я сделал для Внутреннего Судебного Ордена? Они от меня отвернутся? А Девятка? – Стертые до мозолей пальцы заключенного сжались в кулаки, когда он схватился за державшие его цепи. – После того, как я доставил вам всех, кто был вам нужен из-за их Следа! Да вы бы ни одного из них без меня не получили!

– Кому теперь интересна кучка отбросов со Следом? Мы заполучили самую Хаос совершенно без твоей помощи. – Когда Гавриэль в изумлении округлил глаза, посетитель снисходительно улыбнулся. – Все верно, инспектор. Я поймал эту девку и навел за тобой порядок. А теперь я намерен заручиться поддержкой новых сторонников взамен тех, кого убрали при твоём попустительстве, и распространить влияние Девятки на каждую Третью – от Долин до Верхнего Предела через Мец. И когда я с этим закончу, Порядок на Острове будет восстановлен.

– А как же я? – Заключенный дернулся в оковах, и грохот цепей эхом разнесся по всей караульной. – Ты бросишь меня здесь? Я много лет служил Внутреннему Судебному Ордену. Это я нашел Хайтауэр, где наш священный покровитель расколол Пустоту, дав нам ценнейший источник власти. Как насчет того, что я сделал для Порядка?

Посетитель равнодушно пожал плечами:

– Полагаю, Внутренний Судебный Орден позволит тебе вернуться, когда закончится срок твоего наказания. – Он поднялся из-за стола, давая понять, что их недолгая встреча окончена. – Спасибо за информацию об Аттано. Я на самом деле так и думал, однако мне нужно было узнать больше о вашем с ним соглашении, прежде чем двигаться дальше.

– Стой! – закричал ему в спину Гавриэль и забился в цепях.

Не обращая на него никакого внимания, посетитель прошел к выходу, где стояли двое охранников.

– Ты совершаешь ошибку! В Орден затесались предатели!

Посетитель задержался у двери, бросив на заключенного последний взгляд:

– Не трать больше мое время, Гавриэль.

– Хартсонг! – выкрикнул тот в отчаянии. – Тео Хартсонг и его дочь. Это из-за них я оказался здесь.

Гавриэль зарыдал. Из его глаз ручьем полились слезы, размазывая пепел по щекам.

– Хартсонг? – переспросил посетитель.

Гавриэль с энтузиазмом закивал головой:

– Да. Это Ваня выдавала мне не те имена. Она спелась с Аттано, чтобы протащить своего папашу на пост Верховного Наблюдателя.

Это очень удивило и одновременно обрадовало посетителя.

– Приятно слышать. Спасибо, что уделили мне время, инспектор.

– Фиренце! Фиренце, прошу, не оставляй меня здесь!

Феликс Фиренце отряхнул плащ и зашагал обратно к ждущему его экипажу, чтобы, получив столь необходимые ему сведения, вернуться обратно в Линчхэвен.

Глава 1. Николай

Воздух замер.

Двое Аттано в комнате, полной местных.

След во мне дергался от того, как все присутствующие задержали дыхание, и я кожей ощущал тяжесть их пристальных взглядов. Эти богатые и влиятельные люди были моей последней надеждой вернуть домой мою жену. И наконец выдворить ее братьев из моего гостевого домика. Однако для них мы были всего лишь досадной помехой. Так они на нас и смотрели: как на змей, заползших в их ухоженный сад.

И не то чтобы они были совсем неправы.

Собрание проходило в задней части особняка Верховного Наблюдателя, откуда открывался вид на территорию и раскинувшиеся за поместьем сады. Остальные члены Внутреннего Судебного Ордена сидели за длинным столом. Когда мы с кузеном вошли в зал, они замолчали.

Во главе стола, справа от Теодора Хартсонга, сидел руководивший собранием Нил Колдуэлл, которого недавно назначили инспектором. Остальные присутствующие были большими начальниками, благотворителями и владельцами успешного бизнеса, заплатившими внушительные суммы за право голоса в принятии решений относительно того, как будут обстоять дела в городе. Пожилые и влиятельные местные мужчины и женщины, которые не увидят всех последствий принятых в этом зале решений, потому что не доживут до них.

– Мистер Аттано. – Хартсонг первым прервал ошеломленное молчание. – Я не знал, что вы присоединитесь к нам сегодня.

– А почему бы мне не присоединиться? – Я картинно одернул лацканы пиджака с приколотым к одному из них золотым орлом Внутреннего Судебного Ордена. Этот значок давал мне право беспрепятственно пройти мимо Стражей, охранявших здание снаружи. Тео подарил мне его в знак признательности за все, что я сделал, чтобы он получил пост первого лица города. Должно быть, он сам об этом забыл. – Я представляю интересы Роу, и во время нашего недавнего разговора у меня возникло впечатление, что вы хотите улучшить отношения с соседями, живущими на северном берегу реки. Неужели это больше не так?

Мускул на его челюсти слегка дрогнул. Теодор был назначен Верховным Наблюдателем в отсутствие других кандидатов, так как его предшественник покончил с собой, выпив яд, и высокий пост освободился. Нил получил назначение через неделю после этого, поскольку предыдущий инспектор, благодаря моему сотрудничеству с Хартсонгом и его дочерью, был арестован и отправлен в тюрьму для местных. До следующих выборов оставалось недолго, максимум год, и тут я подверг сомнению благосклонность Нила к моей семье и моей части города прямо на глазах у его беспримерно дорогих избирателей.

– Разумеется, это так, мистер Аттано. Почему бы вам и вашему спутнику не присесть? Мы предоставим вам слово после того, как инспектор представит к обсуждению разработанный им план общественной безопасности. Могу ли я поинтересоваться, кто пришел вместе с вами?

– Лотар Аттано. – Кузен отвесил поклон, слишком церемонный, чтобы быть искренним. – К вашим услугам, Наблюдатель Хартсонг.

Тео натянуто улыбнулся.

– Всегда приятно познакомиться с другими членами вашей семьи.

Мы заняли места в центре зала недалеко от прохода.

– Итак, на чем мы остановились? – заговорил Нил, резко кивнув. – Ах да. Городская канализация. Мосли предоставили отчет, в котором утверждается, что похолодание вызвало некоторые проблемы с движением сточных вод в обратном направлении...

От его гребаной болтовни у меня разболелась голова. Я достал из внутреннего кармана пальто сигариллу и поджег ее большим пальцем искусственной руки.

– У нас здесь не курят, – сделал мне резкое замечание какой-то мужчина с круглым лицом и маленькими темными глазками. Костюм был ему явно мал, а ненависти во взгляде хватало, чтобы сожрать меня живьем.

Я наклонился вперед и постучал тлеющим кончиком сигариллы по краю его стакана так, чтобы немного пепла упало в его виски.

– А я и не курю.

Он злобно посмотрел на меня, и морщина на его толстом лбу стала еще глубже. Он сунул руку в передний карман пиджака, достал короткий нож в кожаном чехле и положил его стол. Сквозь прорези чехла было видно голубое свечение, исходящее от лезвия.

– И у меня нет при себе никакого оружия.

– У вас все в порядке? – поинтересовался Нил. В нашу сторону начали оборачиваться. – Мистер Аттано, нам бы очень не хотелось отнимать у вас и без того крайне ограниченное время. Если вы пришли обсудить что-то с городским руководством, вам слово.

Я улыбнулся мужчине, сидевшему передо мной. Он не успеет дотянуться до клинка – я раньше опрокину его на спину. Угрозы не имеют никакого смысла, если за ними не стоит репутация, подтверждающая их значимость.

– Благодарю, инспектор. Очень великодушно с вашей стороны.

Стул противно скрежетнул по полу, когда я поднялся и обошел вокруг стола, встав перед собранием. На меня пристально смотрели минимум двадцать пар глаз, и я мог почти дословно читать их мысли, словно мой След шел от Мирта.

Они мне не доверяли.

Впрочем, с чего бы им доверять мне? Мое имя в каких только слухах ни звучало, однако доказательств моей причастности к тем преступлениям, которые они мне приписывали, не было. Все, кто был на том поезде, кроме меня, и знал, что произошло на самом деле, когда все покатило в Инферно, либо бесследно исчезли, либо были мертвы.

Как ни странно, Фиренце сегодня не явились.

Я тщательно готовил свою речь. Несколько дней я по сотне раз повторял эти слова, несмотря на все свои сомнения. Обращение к Внутреннему Судебному Ордену, чье руководство почти полностью состояло из местных, практически не имело шансов на успех. Я ни за что не пошел бы к ним на поклон с просьбой о помощи, если бы не пребывал в глубоком отчаянии.

А именно так сейчас и обстояли мои дела.

– На протяжении последних нескольких лет, – начал я, – потомки Отмеченных Следом бесследно пропадали по всему Линчхэвену. Предыдущий инспектор сознался в своей причастности к похищениям. Его признали виновным в злоупотреблении властью и удержании потомков против их воли...

– И он был арестован на неопределенный срок в соответствии с законом, – заметил Тео. – Внутренний Судебный Орден признал преступления Гавриэля и приговорил его к заключению в исправительно-трудовом лагере, где он будет жить и работать на рудниках в течение двадцати лет. Вас это не устраивает?

– Не устраивает. – Я заметил, как глаза Тео на миг вспыхнули раздражением. – Потому что не решает главной проблемы. Хайтауэр не подпадает под юрисдикцию Внутреннего Судебного Ордена. Вы понятия не имеете, как там обращаются с заключенными. Именно поэтому я привел сюда Лотара, чтобы он засвидетельствовал те опасные эксперименты, которые там ставят на потомках и их магии Следа. Уверен, если вы из первых рук узнаете о том, что творится в этой тюрьме, вы согласитесь, что происходящее на острове нуждается в расследовании, а заключенные должны вернуться домой.

Лицо Верховного Наблюдателя ничего не выражало, однако шепотки, пошедшие вокруг, явно подтверждали мое подозрение. Их почти не волновало, что скажет Лотар.

– Эксперименты? – переспросил Колдуэлл. – Впервые слышу о каких-то экспериментах на заключенных. У вас есть что-то, чем вы можете подтвердить свои обвинения?

– Скорее, у нас чего-то нет. След моего кузена в результате этих опытов был полностью уничтожен. Лотар?

Пристальные взгляды всех присутствующих устремились на него. Лотар медленно поднялся, сначала глядя поверх этих злобных глаз, а затем выбрал на стене точку и остановил взгляд на ней, как я его научил. Он был не из тех, кто умеет и любит говорить на публику, и обычно предоставлял это мне. Однако сегодня я не мог говорить за него, так что он расправил плечи, чтобы успокоиться.

– Я провел в Хайтауэре пять лет, прежде чем предшественник действующего инспектора освободил меня и моего кузена от ответственности за наши противоправные поступки. Через год или около того меня забрали в башню и постоянно что-то на мне испытывали, иногда по несколько дней подряд.

– Кто проводил эти испытания? – сразу же спросил Хартсонг.

Лотар покачал головой:

– Какая-то женщина-алхимик. Она никогда не называла ни своего имени, ни того, на кого работала, ни цели экспериментов, но я предположил, что им было интересно узнать больше о Следах разного происхождения и об их различиях. А еще они проявляли странный интерес к множественникам.

– Множественникам? – Нил тут же подался вперед.

– Тем, кто обладает множественными способностями. Это бывает, когда потомок обладает несколькими способностями из тех, что дает его След. Вот, например, Нико может контролировать воздух, свет и время. Все эти способности дал ему След Бейна. Я мог контролировать воздух и звук, пока не... – Он судорожно сглотнул.

– Пока не произошло что?

Лотар на мгновение прикрыл глаза.

– Они испытывали на нас что-то иное, не похожее на то, что было в последний раз, когда меня привели в башню. Нечто новое. Могу сказать, что Стражи там чувствовали себя неловко. Я помню, что меня заковали в цепи и до бессознательного состояния накачивали «бликами». Честно говоря, нас постоянно ими пичкали. Но эта дама-алхимик рисовала на мне какие-то штуки. Символы.

Нил откашлялся.

– Символы? Какие еще символы?

У Лотара задрожал подбородок, над верхней губой выступили капельки пота.

– Не знаю. Никогда прежде таких не видел. Линии и круги в геометрических фигурах. Одни покрывали мою спину, другие были на груди, и еще немного – на руках и ногах. Это последнее, что я помню про это испытание. – Он глубоко вздохнул и продолжил: – Я пришел в себя с ощущением, будто меня топили в «бликах». Во мне не осталось ни намека на След. И по этой опустошенности во всем теле я понял, что он ушел навсегда. «Блики» заглушают След, а это... его убило.

В зале воцарилась тишина, и Лотар сцепил руки перед собой, чтобы перестать нервно перетаптываться на месте.

Новый инспектор с прищуром посмотрел на него сверху вниз.

– Вы полагаете, ваш След пытались полностью уничтожить, мистер Аттано?

Он быстро покачал головой:

– Нет. Она была очень недовольна результатами.

Нил усмехнулся.

– Что ж, у вас должно быть какое-то представление о том, зачем вас подвергали этим испытаниям. Вы ведь сами сказали, что вас часто туда приводили.

– Я... – Лотар запнулся на полуслове, затем поднял глаза и посмотрел мне в лицо. Я кивнул. Он заговорил, глядя мне в глаза: – Думаю, они пытались заполучить мой След. Думаю, эта женщина-алхимик пыталась как-то забрать его у меня.

В тишине раздался приглушенный смех нескольких мужчин, сидевших рядом с кузеном. Они насмеялись, чтобы принизить его и обесценить его опыт. Плечи Лотара опускались все ниже каждый раз, когда кто-то недоверчиво качал головой.

– Неужели никто из вас не слушает? – Я прошелся вдоль стола. – Что во всем этом смешного?

Хартсонг демонстративно кашлянул, намекнув собранию вести себя серьезнее.

– Разумеется, это не повод для смеха. Но вы ведь также обладаете множественными способностями, мистер Аттано. Почему на вас никто не ставил никаких опытов?

Я глубоко вдохнул, успокаиваясь, и поднял левую руку, оттянув рукав пальто вниз достаточно, чтобы показать конструкцию из латунных трубок и пальцев, образующих мою искусственную руку.

– Полагаю, потому, что я уже получил физический дефект: мне отрезали руку и оставили в одиночной камере на несколько месяцев. Собиратель похитил множество людей в качестве подопытных, из которых так до сих пор никого и не нашли. Они все еще заперты в Хайтауэре, а Внутренний Судебный Орден не предпринял ничего, чтобы вернуть их домой.

– Нет никаких доказательств тому, что похищенные потомки Отмеченных находятся в Хайтауэре, – высказалась женщина с рубиновым шарфом на шее и в очках в массивной оправе, из-за которых ее зеленые глаза казались больше, чем на самом деле. – Гавриэль не разглашал эту информацию...

– А где еще им быть? – Я подошел к ней широкими шагами. – Он занимал должность инспектора! Он мог вызвать к себе кого только пожелает, и у этих людей не было никакого выбора, кроме как явиться. Он сам мог подстроить любые беспорядки, лишь бы получить легитимный повод арестовать потомков Отмеченных. Он злоупотреблял властью и отправлял этих людей туда, где никто не стал бы их искать. И куда не будет смотреть Внутренний Судебный Орден.

Хартсонг поднялся со стула.

– Этого вполне достаточно, мистер Аттано. Внутренний Судебный Орден подходит к рассмотрению этого вопроса со всей серьезностью, и мы обсудим...

Я резко повернулся к нему.

– С меня тоже достаточно. Ведь разговоры – это все, чем вы тут занимаетесь, не так ли? А в это время в Роу множество семей горюют по пропавшим без вести близким. И если бы вам было действительно не наплевать, вы бы инициировали полноценное расследование и хотя бы освободили тех людей, чье заключение в Хайтауэр не было зафиксировано ни в каких документах, тех, кто не совершал никаких преступлений и кто находится там без всяких на то оснований.

– У меня есть идея получше. – Мужчина, угрожавший мне пропитанным «бликами» клинком, поднялся со своего места. – Почему бы нам не прийти к соглашению? Отправить мистера Аттано обратно в Хайтауэр, освободив взамен так называемых безвинно заключенных. По крайней мере, тогда справедливость действительно восторжествует.

– Мистер Холлоуэй...

– Ах, справедливость? – Я посмотрел на него, подняв бровь. – И какое же преступление я совершил, мистер Холлоуэй?

Он высокомерно усмехнулся.

– Вы видите за этим столом кого-либо из семьи Фиренце? Нет. Они все еще надеются, что их сын оправится после вашего покушения на его жизнь. Вы в него стреляли, и я готов

спорить на все свои деньги, что это вы хладнокровно убили несчастную наследницу Маркеше и ее семью, чтобы «Железный Святой» перешел в ваше распоряжение.

По залу пронесся пока еще не сильный ветер.

– Босс, – шепотом произнес Лотар.

Я не обратил внимания на его предупреждение.

– Вы полагаете, это я убил Камиллу Маркеше? – Стоило ему всего лишь произнести ее имя, и в моей груди сломалась неведомая преграда, выпустив наружу зверя, которого мой дядя умолял меня не кормить. – Вы действительно считаете, что я убил собственную жену?

– Я думаю, все это оказалось для вас весьма удобно, Аттано. Она умерла в день своего рождения, как раз когда должна была вступить в права наследования, и все, кто оказался бы на вашем пути к тому, чтобы завладеть ее активами, либо пропали без вести... либо мертвы. – Он уперся широкими ладонями в полированную деревянную столешницу, прожигая меня свирепым взглядом. – Я никогда не окажу помощи или поддержки ни вам, ни кому-то подобному вам. С какой бы печальной историей вы сюда ни явились, это такая же ложь, как и вся ваша жизнь. Ваша семейка умеет только пользоваться чужим успехом, красть у других средства к существованию и притворяться, что заработала их честным трудом. Вы – самый обычный жулик.

Стражи, поставленные у дверей, приготовились к решительным действиям.

Обо мне думали еще хуже, чем я предполагал.

– Я никогда не утверждал, что заработал имущество Камиллы. И никогда не заслуживал того, что мне от нее осталось. – Это была неоспоримая истина. Я не заслужил ни ее компании, ни уж точно ее сердца. – Однако все прочие узники Хайтауэра, несущие След, не имеют никакого отношения ни ко мне, ни к моей семье. Какую бы злость вы ни затаили против меня, она не должна распространяться на них.

– Я говорю решительное нет, – отрезал он, усаживаясь на место. Взяв пустой стакан с подноса в центре стола, он налил себе еще виски и продолжил: – Я не верю заявлениям этого человека и не думаю, что нам следует беспокоиться о проблемах, которые нас не касаются. Наш инспектор будет следить за работой Хайтауэра и гарантировать справедливое обращение с заключенными там точно так же, как он следит за обращением с заключенными в шахтах.

Я в этом очень сомневался. Нил Колдуэлл выглядел слишком неопытным для человека, имеющего опыт руководства чем бы то ни было, а особенно такими крупными и активными структурами, как Стража.

Холлоуэй и Нил обменялись взглядами. Я подозревал, что Нил занял свою должность не потому, что для нее подходит, а потому, что кому-то, возможно даже некой группировке, понадобилась марионетка, чтобы принимать решения в кулуарах.

Хартсонг вновь демонстративно кашлянул.

– Мистер Аттано, я хотел бы обсудить кое-что с глазу на глаз. Не могли бы вы пройти в мой кабинет? Я приду, как только мы завершим собрание.

– Наблюдатель Хартсонг...

Он переключил внимание на Нила, пробормотав что-то ему на ухо.

Оказаться беспомощным среди тех, в чьих руках сосредоточены вся власть и влияние, было ударом под дых. Они могли бы спасти Миллу уже завтра и, вероятно, сделали бы это, если бы я мог упомянуть ее имя. Однако Арамис взял с меня клятву, что я никому не расскажу о том, что она жива. Сам Гавриэль, может, и лишился власти, однако его сторонники все еще были рядом. Могли быть и в этом самом зале, если бы их равнодушие к попыткам помочь узникам Хайтауэра не было столь очевидно.

Охранники все еще держали руки на пистолетах, так что я благоразумно подавил желание устроить скандал. Я хотел стереть это место в порошок вместе со всеми этими людьми и показать им, как выглядит настоящая сила. Вот только жизнь Миллы находилась в их руках,

и одно неверное решение могло уничтожить последнюю надежду на то, что когда-нибудь она вернется ко мне.

Лишь ради нее я не высказал в лицо этим людям то, что действительно хотел сказать, не без труда усмирив рвущийся наружу След и на долгом выдохе произнес лишь: «Как пожелаете, Наблюдатель Хартсонг».

Охранники сопроводили нас в закрытую часть дома недалеко от зала совещаний. Кабинет Хартсонга представлял собой скромных размеров комнату с единственным окном, откуда открывался вид на замерзший сад. Пара кресел, обтянутых мягко поблескивающей кожей, стояла перед письменным столом из темного дерева.

Порядок в этом месте царил исключительный. На столе лежал лишь блокнот для записей с изображением орла в нижнем углу, а столешница была настолько безупречно гладкой и отполированной, что ни один отпечаток пальца не портил ее блеска. Стены, лишенные каких-либо личных вещей, выглядели голыми и будто бы недоделанными. Словно Хартсонг никогда не пользовался этим кабинетом. Словно он никогда сюда не переезжал.

– Выпить хочешь? – Лотар жестом указал на барную тележку в углу, пока я обходил стол.

– Нет пока.

Ящики стола были заперты. Мне стало интересно, готов ли Хартсонг принимать посетителей в своем кабинете, где все было так надежно спрятано. Лотар налил себе виски и поднял стакан с янтарной жидкостью.

– Думаю, все могло пройти и хуже. Дядя Сол не испытывал оптимизма по поводу того, что мы сюда потащились. С учетом того, что Роу от Округов все еще отделяет заграждение.

– Мы теперь ездим на поезде, Лотар. Пусть он не беспокоится. Если мы не дадим им повода нас арестовать, нас пропустят.

Возможно, он был прав. Сегодня все могло пройти и хуже. По крайней мере, мы создали задел на будущее. Теперь им известно, чего мы хотим, и оставалось лишь вести переговоры.

В дверь постучали, и я быстро обошел стол, чтобы скрыть свое любопытство, но вместо Наблюдателя на пороге появилось другое лицо.

Ваня. Единственная дочь Тео и моя бывшая сообщница.

– Нико, я и не знала, что ты придешь сегодня! – Она обвила руками мою шею и наклонилась к уху, шепнув: – У нас получилось.

Да уж. Гавриэль никак не ожидал, что она выступит не на его стороне. Его разрыв с Девятью Коронами был нашим главным оружием против него, и Ваня сумела, абсолютно не привлекая к себе внимания, как не у всякого бы вышло, вызнать имена всех, кто поддерживал применение насилия к обладателям Следа членами семьи Клемонте. Она была идеальной светской львицей, знающей, как позволить любому собеседнику ощутить собственную важность.

Я не виделся с ней больше трех месяцев – с тех пор, как она нашла меня на скачках. С тех пор для нас обоих все изменилось. Впрочем, судя по тому, как она заключила меня в объятия, не слишком-то отличавшиеся от тех, что были в прошлый раз, на ее отношение ко мне не повлияли никакие слухи.

Я похлопал ее по плечу и быстро сделал шаг назад.

– Я бы на твоём месте был поосторожнее, здороваясь со мной так, Ваня. Меня здесь не очень-то хорошо принимают. Не хотелось бы бросить тень на твою репутацию нового главы Комитета по связям с общественностью.

– Ерунда какая. – Ваня махнула рукой в перчатке. Развязав пояс на своем плаще, она уселась за отцовский рабочий стол. – Вообще-то, я только что из города. По всем Округам уже болтают, что тебя и твоего кузена видели на Главном вокзале. Я прикинула время сегодняшнего собрания и поняла, что вы поехали сюда. Как ты, Николай?

Сложный вопрос. Я не мог ответить ей честно теперь, когда ее отец занял должность Верховного Наблюдателя. Может, мы и действовали сообща в прошлом, однако теперь, когда Тео получил от меня все, что ему было нужно, не было никаких гарантий, что она останется на моей стороне. Поэтому я ограничился коротким:

– Занят, как обычно.

– Как обычно, – повторила она, продолжая улыбаться, а потом обернулась в сторону Лотара: – Как дела?

– В полном порядке, мисс. – Он символически отсалютовал ей стаканом.

Она снова посмотрела на меня, улыбаясь уже не так радостно.

– Кстати, сожалею насчет твоей жены. Мы встретились не при лучших обстоятельствах, но мне все равно очень жаль. Я побывала на нескольких званых вечерах в отеле «Василли» в центре города, где любили проводить время ее братья. Маркеше были... интересными людьми. Искренне тебе соболезную.

Я кивнул и медленно опустился обратно в кресло.

– Спасибо. Мне ее очень не хватает.

– Действительно? – Она посмотрела на меня, выгнув тонкую темную бровь.

До нее долетели слухи. Этот вопрос волновал ее точно так же, как и всех прочих в этом городе.

Я тяжело сглотнул и кивнул в ответ, потому что мне очень хотелось положить конец этим отвратительным сплетням.

– Доведись мне выбирать между этим поездом и Миллой, я бы пожертвовал проклятым паровозом, не колеблясь ни секунды, если бы только это могло ее вернуть.

Ваня медленно, но глубоко вдохнула и выдохнула.

– Что ж, должно быть, она значила для тебя очень много, если ты ставишь ее превыше своих деловых интересов. Как бы то ни было, у меня к тебе предложение.

– И какое?

Она кашлянула и бегло взглянула на моего кузена, а затем снова встретилась со мной глазами.

– Я хотела предложить тебе заключить союз.

Лотар поперхнулся виски.

Я на миг разинул рот в изумлении. Ваня всегда была очень прямолинейной, но это предложение прозвучало как гром среди ясного неба. Мы никогда... хорошо, я никогда не думал о том, чтобы наши отношения вышли за рамки деловых, бывших основой нашего общения.

– Знаю, что ты думаешь об этом, – заговорила она, пока я молчал. – Звучит нелепо, несмотря на то что я говорю об этом открыто, но подумай: брак между лидером Роу и мной, представительницей Округов, мог бы действительно повлиять на ситуацию. Ты получил бы официальное положение и защиту, чтобы им пользоваться. Ты ведь уже однажды женился по расчету, Нико. Не вижу причин, почему бы не сделать этого снова.

Причин было множество, но, даже если бы Камилла действительно была мертва, как все считали, все равно существовала черта, которую я не мог переступить.

– Со всем огромнейшим уважением к тебе, Ваня, – ответил я, – я не вступлю в брак ни с кем больше. Ни в интересах дела, ни уж точно для чего-либо еще.

– Но почему? – поинтересовалась она.

– Потому что никто и никогда не заменит мне Камиллу. И это все, что я могу сказать по этому поводу. – Даже если мой отказ ее и ранил, она никак не подала вида. – Прости, но

нам придется изыскать какой-то другой способ взаимодействия с этой системой, насколько бы она ни была к нам враждебна.

Она собиралась было ответить, однако тут в кабинет ворвался ее отец.

– Ваня, что ты здесь делаешь? – прошипел он.

Его дочь дернулась и подскочила с кресла за стол.

– Я просто выразила свои соболезнования Николаи и его семье. Успокойся, пап. Я ничего тут не трогала.

Она обошла стол и встала напротив, чтобы их разделяла мебель.

Верховный Наблюдатель глубоко вздохнул.

– Я же говорил тебе не заходить ко мне в кабинет. Это не место для твоей светской болтовни. У меня дела с мистером Аттано, а у тебя – собственные обязанности, которые необходимо выполнять.

– А, ну да, – картинно простонала она. – Например, организовать на следующей неделе званый обед для женщин и агитировать их проголосовать за Тео Хартсонга или ходить по гостям к богатым вдовам в Паровом Округе, чтобы ненавязчиво просить их внести пожертвования в Фонд Тео Хартсонга.

Лотар смущенно стоял между ними, громко отхлебывая виски из стакана.

– Каждому из нас отведена своя роль, Ваня. – Ее отец понизил голос, словно отчитывал ребенка за шалость.

– Я могу играть крупнее, – возразила она. – И однажды ты не сможешь прогнать меня с этого места, потому что оно будет моим.

Не дав отцу возможности ответить, Ваня быстро вышла из кабинета, закрыв за собой дверь.

Тео закатил глаза и медленно опустился в кожаное кресло.

– Боюсь, из-за нашей предыдущей совместной работы она загорелась идеей податься в политику. Считает, что теперь способна на что угодно, раз сумела сместить одного маленького человечка.

– Она сделала больше, чем вы, – возразил я. Выражение его лица стало суровым. – Это Ваня организовала сделку с Гавриэлем. Это она внедрилась в Девятку и добыла список имен. А вы просто пришли на все готовое.

Возможно, она действительно заслуживала того, чтобы занять эту должность.

– Только потому, что взаимодействовать с ним напрямую было для меня слишком подозрительно. – Он жестом велел Лотару, все еще стоявшему у барной тележки, сесть. – Но я позвал тебя сюда не обсуждать прошлое, поскольку в будущем нас ждут проблемы посерьезнее.

Я лишь цинично усмехнулся в ответ.

– О, я с огромным удовольствием обсудил бы ваши планы на этот город, Хартсонг. Начнем с того, какого хрена только что произошло в зале заседаний. – И уже без улыбки добавил: – Почему вы не поддержали меня, как обещали раньше?

Он скрестил руки на груди.

– Я говорил тебе, что ты можешь обратиться к Внутреннему Судебному Ордену, но никогда не обещал, что решение будет принято в твою пользу.

Этот нюанс заставил меня рассмеяться.

– То есть вот как вы теперь заговорили? Собираетесь ради горстки голосов скинуть со счетов тех, кто помог вам занять это место? Вы меня разочаровали, Тео. И не только меня, но и тех, кто находится в бедственном положении на острове Хайтауэр.

– Нужно подождать, пока в городе все не уляжется. Люди обеспокоены, Николаи. Ваша семья взяла под контроль сталелитейную промышленность, а теперь вы заполучили и «Железного Святого». Аттано медленно подгребают под себя все. Жители Линчхэвена вас боятся.

Я сжал кулаки с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

– Может быть, правильно делают.

Он посмотрел на меня так, словно не узнавал человека, который когда-то на него работал.

– Верховный Наблюдатель, – Лотар подался вперед в кресле, воспользовавшись возможностью задать вопрос после того, как мои слова заставили Тео потрясенно замолчать, – вы получили вино, которое мы прислали, чтобы поздравить вас с назначением на новую должность?

От этого вопроса Тео широко раскрыл глаза, снова ставшие ярко-зелеными.

– Ну разумеется, Лотар. Это было очень любезно со стороны вашей семьи. На самом деле я настаиваю, чтобы мы открыли его сейчас, когда собрались вместе, чтобы отпраздновать победу. Верно, Николай?

Я натянуто улыбнулся.

– Замечательная мысль.

И пока Верховный Наблюдатель, поднявшись со своего места, искал бутылку, которую мы вручили ему на прошлой неделе, я спросил:

– Вы планируете продолжать блокировать движение по мосту?

– На данный момент – да.

– Зачем?

Откупорив бутылку, он ответил:

– А почему бы и нет? В Округах мирно. Местным не нужно выходить из дома с огнестрельным оружием или с клинками, пропитанными «бликами». Движение на главной площади стало более интенсивным с тех пор, как перекрыли движение по мосту. Какая у жителей Роу причина стремиться в Округа?

– Кроме того, что там живут их родственники? Не все боятся обладателей Следа, Наблюдатель. И если говорить начистоту, вы не назвали ни одной причины, которая бы оправдывала это разделение. Жители Роу владеют малым бизнесом, и без того самого движения, которое вы только что упомянули, он прогорит и вылетит в трубу.

Хартсонг откинулся на спинку кресла.

– Представители Внутреннего Судебного Ордена вновь посетят мост в следующем месяце, когда мы снова соберемся.

– А нас позовут или приглашение затеряется по другую сторону реки?

Хартсонг свирепо взглянул на меня поверх стакана с виски и щедро разлил игристое вино по трем хрустальным бокалам.

– Если вы продолжите чинить беспорядки на моих собраниях, вас точно больше не пригласят. Я позволю тебе явиться снова, если ты согласишься поумерить пыл.

Я насмешливо отсалютовал ему поднятым бокалом.

– За обуздание моего буйного нрава и за ваше удачное назначение на новую должность, Тео.

Он высокомерно усмехнулся и сделал первый глоток.

– Что за странный напиток, – заметил он. – В письме, которое прилагалось к бутылке, говорилось, что в вашей семье он считается деликатесом, не так ли?

– Бабушка держит самое любимое в погребе, – с улыбкой ответил я. – У меня к вам последний вопрос, и я оставляю вас в покое.

Он сделал большой глоток.

– И какой же, Николай?

– Планируете ли вы или еще кто-либо из присутствующих на ваших собраниях ограничить применение Следа жестче, чем Внутренний Судебный Орден уже сделал это? Помимо того, что нас заперли на одном берегу реки. Объявите ли вы вне закона применение нашего дара, который помогает нам жить и зарабатывать средства к существованию?

Он пристально посмотрел на меня, однако его лицо оставалось непроницаемым.

– Мы никогда не будем стремиться угнетать потомков Отмеченных Следом подобным образом. Мы уже видели, к чему это привело на Континенте. Здесь такое не повторится.

Я испытал нечто похожее на облегчение, и с души свалился было камень, но, едва закончив фразу, Верховный Наблюдатель вдруг подавился.

– Святые! Прошу прощения, но меня, кажется, сейчас стошнит.

Он поставил бокал на стол.

Я также поставил свой, не сделав ни глотка. Уж я-то знал, что вкус у этой штуки отвратительный. Благодаря бабушке, которая всюду совала свой нос и сама учила внуков уму-разуму, опыта с «Векс Веритас» у меня было хоть отбавляй.

– Тогда мы вас покинем, но очень надеюсь, что вам станет лучше, сэр. – Я поднялся с кресла. – Идем, Лотар. Нам лучше вернуться на свою половину города.

Верховный Наблюдатель не заметил нашего ухода: он был слишком занят, борясь с тошнотой, которую спровоцировала его ложь. Сегодняшним утром все шло из рук вон плохо, и, судя по тому, что мне удалось узнать, будет только хуже. Мы быстро добрались до экипажей, стоявших на круговой подъездной дорожке напротив особняка.

– Ты ничтожество, Аттано.

Чей-то голос заставил меня остановиться. На тротуар упала тень.

Я обернулся, и надо мной навис Холлоуэй.

– Можешь одеваться в дорогие костюмы и делать вид, что имеешь право входить в зал совета, но тебя никогда тут не примут. Никакие деньги не изменят того, кто ты есть на самом деле. Крыса магическая, вот ты кто. Если тебе хватит наглости снова заявиться на этот берег, я достану клинок уже другого цвета и воткну его прямо в твое грязное сердце.

– Клинки Девятки объявлены вне закона, сэр. Или вы еще не слышали о новом указе Верховного Наблюдателя? – тихо спросил я.

– Девять Корон поднимутся снова, – злобно пробубнил он. – И когда это произойдет, они вернут себе власть над городом. Хартсонг либо примет нашу сторону, либо сдохнет вместе со всеми вами.

Я поднял голову и посмотрел на него снизу вверх. И хотя он был на две головы выше меня, а весил вдвое больше, я был уверен, что он прекрасно осознавал, кому угрожает. Через пару секунд его лицо побледнело, а грудь содрогнулась. Он пытался хватать ртом воздух, который я забрал из его легких. В его глазах появился восхитительный испуг, отчасти скрасивший мое разочарование.

– Тогда увидимся на поле боя, Холлоуэй. Тащите свои ножички, они вам пригодятся.

Я не выпускал отнятый у него воздух, закрутив его вокруг пальца, словно обручальное кольцо, связывающее меня с новым делом, пока мы с Лотаром не сели в экипаж.

– Ты знаешь, что нужно сделать, – сказал я кузену.

Он кивнул. Мрачное понимание заставило его хмуро поджать губы.

– Отлично. Убедись, что там никого нет, когда будешь переходить. Не хочу, чтобы сегодня кто-то погиб. Еще не время.

Когда мы добрались до Главного вокзала, я сел в «Железного Святого». Лотар доехал в экипаже до главной городской площади, где выход с моста вел на оживленные улицы со множеством магазинов и ресторанов. Когда поезд тронулся и заехал на виадук, пересекая Аду, я поднялся и посмотрел сквозь замерзшее окно.

Моя семья и все прочие жители этого города, несущие След, много лет назад переплыли Узкое море не для того, чтобы столкнуться со старой угрозой. Нас не выйдет загнать в гетто, выдворить или заткнуть нам рот. В этот раз мы примем бой, если они захотят вцепиться нам в глотки.

Три взрыва начисто снесли мост, связывающий Роу с Округами. Осколки этой связи и исходящая от нее угроза рухнули в Аду, и их поглотило смертоносное течение реки.

Глава 2. Камилла

Вэтот раз они выбрали кровь.

Пальцы рук и ног, да и все остальные части тела, погрузились в стылое оцепенение. От количества крови, которую они у меня забрали после того, как подействовали какие-то химические чары, наложенные алхимиком, на меня навалилось изнеможение. Забыть прошло, и я снова чувствовала промораживающий до костей холод, который источал пол камеры, где меня держали. Боль простреливала все тело, стоило мне хоть немного пошевелиться.

Они скоро вернутся. Они всегда возвращались, выкачав из меня что-нибудь. По крайней мере, это не как в прошлый раз, когда меня несколько дней подряд морили голодом. Мне оставили лишь несколько глотков воды, и я ослабела настолько, что еле могла поднять голову от пола, на котором лежала в полном оцепении.

Пол задрожал от движения каменной стены, и я приготовилась к очередному эксперименту.

Я не открыла глаз, чтобы поприветствовать Стража, но свет керосиновой лампы все равно обжигал. Свеча в моей камере давно догорела, и я уже несколько часов сидела в кромешной темноте. Может, даже весь день. В этом месте время текло иначе.

– Поднимайся, – приказал грубый голос.

– Не могу.

Меня резко пихнули в бок стальным носком сапога, потревожив сломанное ребро. Я вздрогнула от боли, пронзившей тело.

– Тогда ползи.

Попытавшись поднять голову с ветхого матраса, валявшегося на полу, я простонала:

– А ты не можешь меня дотащить?

Было тяжело даже просто перекатиться на бок, чтобы подняться, но охранник и пальцем не шевельнул, чтобы помочь, глядя на меня как на чумную крысу, которую надо держать на расстоянии вытянутой руки.

– У меня приказ ни в коем случае к тебе не прикасаться.

– А когда нужно причинить боль или наказать – другое дело, – огрызнулась я.

Когда я не повиновалась, меня трогали постоянно. Возможно, если разозлить его достаточно сильно, он уступит и оттащит меня наверх, где уже ожидает алхимик.

– Ты – отродье Хаос, – проговорил он тихо, словно это было величайшей тайной. – Все, что с тобой связано, опасно.

– Хаос, – повторила я, безрадостно усмехнувшись.

Разве не так всегда называл меня Нико? Он каким-то образом знал об этом все время, видел меня насквозь, даже те стороны меня, на которые я сама не обращала внимания. Одно только воспоминание о нем придало мне немного сил – достаточно, чтобы подняться с матраса и встать на дрожащие ноги.

Какая-то часть меня хотела лежать, не вставая, пока все не закончится. Смириться с изнурительными требованиями тела и с болью, без которой не обходился уже ни один мой шаг. Вот только надежда оказалась упрямой. Даже малейшая надежда на то, что я снова увижу Нико и свою семью, разжигала в сердце пламя. Возможно, только поэтому я была в состоянии переставлять ноги.

– Как тебя зовут? – спросила я. Его постоянно отправляли, чтобы привести меня и ответить обратно. Тихий стук его ботинок по камню был единственным ответом, который я получила. – Выглядишь как Майкл. Буду звать тебя Майк.

Люди всегда казались менее опасными, если знать их имена. Особенно если они носили орудия пыток.

– Куда мы идем?

Он не поднимался, как обычно, в башню. Вместо этого он жестом указал мне на коридор, который вел наружу.

– Далила запланировала на сегодня кое-что особенное.

Судя по его интонациям, он улыбнулся, а у меня внутри снова заворочался страх. От экспериментов я хотя бы знала, чего ожидать. Она выкачивала из меня кровь, рисовала на моем теле странные символы, рассматривала, как отметина окрашивает в черный цвет кровь, бегущую по моим венам, а потом подавляла это инъекцией. Далила была алхимиком, умудрившимся собрать огромное количество данных о моем Следе, который вызывал столько беспокойства. Теперь она стремилась узнать, как уничтожить мою силу, однако все еще не преуспела.

Коридор был коротким, а путь вперед менялся силой воли Стража, шедшего у меня за спиной. Я так до сих пор и не выяснила, как они управляют этим камнем, не имея Следа. Маги земли наверняка могли каким-то образом управлять этим местом, однако рядом не было ни одного, чтобы это проверить. Может быть, эти Стражи были магами. Или предателями.

Пока я сидела в одиночестве в камере, у меня было достаточно времени, чтобы порассуждать об этом.

Когда мы вышли из башни, позади тюрьмы уже начинало садиться солнце. Прохладный соленый воздух с моря ударил мне в лицо, как приятное воспоминание. Меня впервые вывели наружу с того момента, как я оказалась здесь, и впервые я увидела что-то вне камеры или лаборатории, что стало подобием передышки среди моих мучений. Я заморгала от внезапного яркого света.

Дождя не было, но в воздухе висел холодящий щеки туман. Капли росы покрывали землю, такую же твердую и холодную, как пол в башне. К главному зданию, возвышающемуся вдалеке, вела дорожка, по обе стороны поросшая водорослями и выносливыми растениями, способными выживать в таких пустынных краях, как этот.

Однако Страж не повел меня туда. Он указал на открытую площадку между башней и главным зданием, где ждали Стражи и несколько алхимиков во главе с Далилой.

После нашего первого разговора она стала куда более сдержанной. Теперь наши отношения были отношениями ученого и подопытного образца. Я была обычным объектом препарирования, как и все остальные, кого она заперла в башне для алхимических исследований. Вместо лабораторного халата со свинцовыми пластинами, который она всегда надевала во время экспериментов, сегодня на ней был тяжелый плащ, который казался теплым: ее щеки заметно покраснелись. Ее кроваво-красные волосы скрывал капюшон, а на руках были привычные кожаные перчатки, пропитанные «бликами». Их прикосновение обжигало.

Под мышкой она держала какую-то книгу. Она всегда ее с собой таскала. Мы подошли к просторной круглой платформе, такой ровной посреди остального рельефа.

Девять алхимиков и один алхимедик, приставленный меня лечить, выстроились в ряд. В середине стояла Далила. Однако сюда вывели не только меня. По другую сторону круга замер еще один заключенный, одетый в такую же робу, что была на мне.

– Как она? – спросила Далила моего охранника.

– Достаточно ослабела.

Страж слегка ткнул меня в спину рукоятью оружия, лишив равновесия. Я грохнулась коленями на холодный обсидиан, выставив руки перед собой, чтобы не удариться еще и лицом.

– Посмотрим. – Она бросила на меня уничтожающий взгляд, а потом резко приказала алхимикам: – Дайте ей бальзам и начертите барьер.

Страж подтолкнул меня за нарисованную линию, проведенную по краю платформы. Помощники Далилы рассредоточились и опустили пальцы в небольшие мешочки, прикрепленные к их поясам. Окрасившимися в ярко-красный цвет пальцами они начертили что-то на земле за пределами круга.

– Что вы делаете? – спросила я, стараясь перекрыть завывания ветра.

Далила вглядывалась в бледный горизонт, сцепив руки за спиной.

– Нам не удалось подавить твою силу. Судя по тому, что она пробуждалась, даже когда мы целенаправленно лишали тебя энергии, она заключена не в твоём теле. Она также не в твоём сознании, потому что она проявляла себя, даже когда мы погружали тебя в химический сон. И не в твоей крови, поскольку её мы уже проверили. Прежде чем ты спросишь, я отвечу: нет. Для создания барьера мы используем не твою кровь, поскольку твой След в ней не найден.

– Значит, кого-то со Следом Крови? – спросила я.

Она кивнула.

– Те, кто несёт След Крови, хранят в ней силу. Вот почему, напившись чужой крови, они становятся сильнее, напивав собственную. Свойства их крови позволяют нам использовать её в своих целях.

Далила просто обожала рассказывать о своих исследованиях, и я как можно чаще позволяла ей делать это для меня. Она знала все о Следах всех видов и хотела изучить мой След почти так же сильно, как и я. Каждый раз, когда я оказывалась в её лаборатории в роли подопытного кролика, давал мне возможность ещё на шаг приблизиться к пониманию природы моего Следа. И если я когда-нибудь смогу применить его, чтобы спастись, пусть она раскрывает секреты Хаос, таящиеся в её темном Следe.

– Чтобы найти, где хранится твой След, – продолжила она, – нам нужно увидеть, на что он способен. В истории не сохранилось никаких упоминаний о несущих След Хаос, кроме легенд о том, как Хаос сражалась вместе со своей армией демонов во время Первой Войны. Мне любопытно, как эта сила проявляет себя в виде Следа, такой ли он мощный, как сама Хаос. Я запланировала три испытания, которые должны приблизить нас к пониманию твоих пределов, твоих ресурсов и того, где он скрывается.

– Где скрывается что?

Ученая лишь поджала губы, давая понять, что разговор окончен.

Ко мне приблизилась женщина-алхимедик, держа в руках, защищенных перчатками, какой-то сосуд.

– Не двигайся, – приказала она. – Я нанесу тебе на руку этот бальзам, чтобы отменить действие «бликов». Только попробуй причинить мне вред, и тебя ждёт суровое наказание.

Я быстро перевела взгляд с сосуда в её руках на Майку, без всякой уверенности, что доверяю ей, что бы она ни наносила на моё тело. Увидев, что я отказываюсь подчиняться достаточно продолжительное время, Страж вцепился мне в плечо и запястье, обжигая пропитанной ядом кожаной перчаткой.

Крем, который алхимедик размазала мне по предплечью, тут же впитался в грязную кожу. Как она и обещала, я ощутила тепло вернувшегося Следа по всему позвоночнику. След наполнил моё сердце, заставляя его биться сильнее, хлынув в него бурной волной, когда исчезла сдерживавшая его преграда.

Эти двое быстро отступили за линию, пока я из всех сил пыталась обуздать энергию, стремящуюся вырваться наружу. Мне нужно было противостоять хаосу, бушевавшему в венах, и успокоиться. Мне нужно было отвлечься.

Заклученный, стоявший по другую сторону круга, замер, ссутулившись, и ветер трепал его холщовую робу. Платформа была достаточно широкой, и вряд ли он слышал, о чём мы говорили: ветер уносил слова в противоположном направлении.

– Зачем он здесь? – спросила я у Далилы.

Её улыбка была одним из самых ужасных зрелищ. Главным образом потому, что за ней всегда следовало что-то ужасное.

– Он – твое первое испытание. Сегодня мы увидим, какова ты в качестве оружия. – Она бросила беглый взгляд на заключенного. – Я предложила ему сделку: если он тебя убьет, то сможет покинуть этот остров.

Ее слова были словно удар наотмашь, и мне вновь стало страшно. Она предложила ему свободу.

– И он... согласился?

Далила сделала несколько шагов назад, пока не оказалась по другую сторону линии.

– У него очень сильный След Мирта, Камилла. Сейчас ты слишком слаба, чтобы бороться с ним физически. Придется использовать След, чтобы выйти из этого поединка живой.

Каждый мускул моего тела колотило крупной дрожью на промозглом ветру.

– Я не верю, что вы позволите мне умереть. Не после всего, что вам потребовалось, чтобы меня заполучить.

Улыбка сошла с ее лица.

– Когда дух приближается к смерти, инстинкт берет верх. Мне даже не придется вмешиваться: твой След защитит тебя раньше.

Я сжала зубы.

– Это мы еще посмотрим.

Я не собиралась причинять вред этому человеку. Если он это осознает, возможно, также сжалится надо мной. Они ничего не смогут сделать, если мы оба выберем сдаться. Однако, если его манит такая желанная награда, как собственная свобода, сможет ли он понять, что Далила блефует?

Последний алхимик ступил на свое место на линии, начертив завершающий символ. Руны засияли голубовато-белым светом, воздух наполнился электричеством, от которого волоски на руках встали дыбом, радужная стена окутала пространство вокруг платформы, возвышаясь куполом и надежно запечатывая нас внутри.

Я никогда прежде не видела такой магии, которую творили из крови и знаков, и мысль о том, что такое возможно, заставляла меня нервничать. На что еще они способны, кроме как создать между нами еще больше барьеров?

– Граница обожжет вас, если вы попытаетесь ее пересечь. Только один из вас выйдет из этого круга, и только вам решать, кто это будет, – громко объявила Далила, чтобы второй заключенный тоже услышал.

– Врет она все! – закричала я. – Нам не нужно этого делать. – Медленно поднявшись на ноги, я направилась к нему. – Надо показать им, что у них нет над нами власти.

– Перестань! – предупредил он. – Не подходи ко мне.

– Все в порядке. – Я подняла руки, показывая, что сдаюсь. – Я не...

Он напал без предупреждения. Он совершенно не двигался, но его След проскользнул в мое сознание, и вот я уже не властна над своим телом. Мои ноги остановились, а колени подогнулись. У меня было всего мгновение, чтобы испугаться, прежде чем он вытянул шею и хрустнул суставами.

Он был из сколапа – контролирующих разум. А я только что дала ему доступ к главному оружию в его арсенале.

Колени подогнулись, не подчиняясь остальному телу, а потом выгнулись так сильно, что кости выскочили из суставов. Я всем весом грохнулась на платформу, чувствуя страшную боль, которой не испытывала никогда прежде. Она пронзила ноги и позвоночник, нарастая до тех пор, пока агония не стала настолько жуткой, что не осталось ничего, кроме нее. Голос сорвался на крик, а вены наполнились огнем, который я отчаянно пыталась подавить.

Я смотрела на него сквозь пелену слез.

– Остановись, прошу, – еле дыша, умоляла я. – Я не хочу причинять тебе вред.

В ответ он лишь выгнул мою спину так, что кости стали давить друг на друга, и это давление угрожало сломать меня пополам.

– Он здесь очень давно, Камилла. Свобода для него важнее всего на свете, – прозвенел у меня в ушах голос Далилы. – Важнее пищи, чтобы поддерживать существование, важнее воздуха, чтобы дышать, важнее доброты, чтобы жить.

Я судорожно искала, во что бы вцепиться руками, чтобы найти опору. Темный яд моей силы уже разлился по пальцам, выкрасив ногти в черный цвет.

– Это больше не человек. Ты не сможешь найти слов, что могли бы тронуть сердце, опустошенное тюрьмой. Он просто сломает тебя пополам, если это будет значить, что он обретет то, к чему стремится сильнее всего. Его больше не сдерживает человечность, он принадлежит Отнимающему.

Что-то треснуло.

В моем позвоночнике уже почти не осталось гибкости. Изогнувшись в неловком положении на каменной платформе, я пристально смотрела на противника, который, прищурившись, пристально смотрел на меня. В его темных глазах не было и намека на осознание того, какую боль он мне причиняет. Я почти перестала его видеть, когда слезы вновь заволокли глаза.

– Разве ты не хочешь узнать, на что ты способна, Камилла? Разве не пришло время исследовать свой дар в безопасном, контролируемом эксперименте? – уговаривала меня Далила, словно поглаживая мою силу настойчивыми, но убедительными словами.

Однако все, что происходило на этом острове, безопасным было в последнюю очередь. Я не хотела узнавать, на что способен мой След, – не при таких обстоятельствах. Не ценой жизни этого человека. Однако перекрученный позвоночник почти не оставлял мне выбора. Он хотел свободы, но и я тоже.

Никто не придет меня спасти. Никто не знает, что я здесь.

Проблема, с которой я столкнулась, заключалась в неопределенности. Я не знала, как взять свой След под контроль. Что бы ни вырвалось наружу, оно могло искалечить, убить или вовсе уничтожить. Несколько недель назад я превратила человека в пар, и оставшийся от него кровавый туман каждый день покрывал мои руки.

Что-то треснуло снова.

Обжигающая боль затмила зрение, и мир вокруг исчез вместе с тюрьмой, Далилой и остальными алхимиками. Остались только я и эта страшная агония, которую я отчаянно хотела прекратить.

Гнев нарастал, разливался во мне как яд, отравляющий каждую каплю крови. Противник оставил в покое мое сознание – а может, это я его оттуда вышвырнула. Мне было известно лишь то, что я могу управлять своим телом, по крайней мере, теми его частями, что не были сломаны.

Я перекаtilась вперед и пристально посмотрела на этого человека, моргая, пока зрение снова не сфокусировалось и не стало ясным, а слезы не высохли. Руки наполнились чернильной темнотой, и в тот же миг моя ярость вдребезги разнесла преграду, которая удерживала ее. Впервые за несколько недель ее не подавляли ни зелья, ни сомнения, ни мораль.

Бешеный поток Хаоса, когда я выпустила его на волю, почти вышиб меня из собственного тела. Я словно пробурила отверстие в дамбе, не ожидая, что в него хлынет вся река.

Тонкие языки черного пламени сорвались с моих ладоней, разбежались по платформе, превратив круг в море теней, извивающихся и колышущихся на беспощадном ветру. Мой противник сделал шаг назад, но его остановил невидимый барьер, удерживающий и его, и мой След.

– Пламя из-за Порога Забвения, – прошептала Далила, и в ее голосе слышалось нечто похожее на страх.

Мой противник в панике охнул, когда его непоколебимое самообладание дало трещину, но снова устремил взгляд на меня. Пламя добралось до его ступней и лизнуло ноги. Его грудь быстро вздымалась и опадала, когда он осознал, что ошибся, но было слишком поздно.

Я почувствовала толчок его силы, когда он попытался свернуть мне шею в бесплодных попытках освободиться.

– Перестань, – прорычала я не своим голосом, слишком низким и злым, словно гром во время летней грозы.

Он не стал меня слушать и ответил попыткой захватить мой разум и надавить на него всей силой своего Следа. Ему удалось прижать мое запястье к земле и сломать с громким щелчком. От крика, который вырвался из моей груди, камень подо мной задрожал. Обсидиан раскололся, и трещины паутинкой побежали по гладкой, словно отполированной, платформе.

В руке пульсировала острая, пронизывающая боль. Я сделала глубокий вдох, чтобы унять ее, а затем резко выдохнула. Ветер в пределах барьера уже перестал быть легким. Этот ветер – настоящий шторм – пришел не с моря.

Он поднялся от моей ярости.

Мое пламя плясало, закручиваясь вихрем. Предательски острые обломки камня с земли затянуло в циклон моего внутреннего хаоса. Слепленный этим тeneвым огнем и каменными осколками противник неловко съежился. Его страх немного укротил гнев, бушующий в моем сердце, что беспорядочно колотилось о ребра. Мое дыхание замедлилось, когда гнев сменился стыдом, и буря утихла вместе с борьбой.

Противник смотрел на меня сквозь пальцы, прикрывая лицо руками, чтобы защититься, словно ребенок, увидевший чудовище. И в тот момент, когда наши взгляды встретились, его След снова проскользнул в мои мысли, однако в этот раз совершенно неожиданно.

– Что ты такое? – спросил он через мысленную связь.

Сердце пронзило сожалением. *«Сама не знаю».*

Он безвольно уронил руки.

– Я не горжусь этим, но мне очень нужно выйти на свободу. У меня есть дочь...

В сознании вспыхнул образ юной девушки из воспоминаний этого человека. Образ, знакомый мне слишком хорошо. Совсем юная, почти ребенок, но это, несомненно, была она.

Сэра.

Его лицо побледнело.

– Ты ее знаешь?

Я кивнула, едва не разрыдавшись. *«Она – мой друг».*

Я подняла в памяти самые свежие воспоминания о Сэре, чтобы показать ему молодую женщину, которой она стала. Разумеется, он откажется от этого боя, если поймет, сколько значила для меня его дочь и сколько значила я для нее.

Она искала его, а он был здесь. Но почему?

Он стоял неподвижно, пристально глядя на меня. Его глаза были устремлены куда-то за пределы человеческого восприятия.

– Святые и все звезды! Какая же она красавица.

– Теперь понимаешь, кого я выставила против тебя, Камилла? – Далила присела на корточки рядом с барьером, чтобы ее могла услышать только я.

Осознание поразило меня внезапно, когда я вспомнила, что знала о Сэре и ее отце. О том, что с ним случилось. Этот бой был подстроен. Муки выбора сейчас были сильнее боли от выбитых суставов или сломанных костей.

– Твой отец доверился не тем людям, – сказала Далила. – Я попросила своих родичей в городе выяснить, почему вдруг Маркезе понадобилось выдать одному из своих детей фамилиара, а они вызнали и все остальное. С помощью инспектора они вышли на Марко Галло и

доставили его сюда, а уж нам не составило труда заставить его показать нам воспоминания, которые он у тебя забрал.

Я потрясла головой. Это не имело значения. Он и не должен был меня защищать. Это я была виновата во всем, что произошло, и теперь к без того длинному списку последствий можно было добавить еще и заключение Марко в тюрьму.

– Это был он, Камилла. Это он предал твою семью. Это из-за него погибли твой отец и твой брат, а я нашла тебя. Ты была самой сокровенной тайной твоих родителей, а он предал их доверие, – продолжила Далила, словно запустив когти в рану на моем сердце еще глубже. – Этот человек виноват во всей боли, которую тебе пришлось пережить, и теперь тебе предоставлена возможность разорвать его на куски точно так же, как он поступил с твоей жизнью. Ты этого заслуживаешь.

– Нет. Нет, это не его вина, – еле слышно произнесла я.

Не для Далилы – для себя. Он лишь сделал то, что считал необходимым, чтобы защитить дочь. Я прижала сломанное запястье к груди и перевернулась на спину, отказываясь драться.

– Прикончи ее! – заорала Далила, осознав наконец, что на меня ей не повлиять.

– Что ты делаешь?

Повернув голову набок, я посмотрела на него. У него перехватило дыхание.

– Прости. Я все сделаю быстро.

– Нет, – взмолилась я. – Нет, прошу тебя. Не надо.

Он заставил меня застыть в неловкой позе посреди разбитой платформы и медленно подошел ближе. Широкие ладони обхватили мое лицо с обеих сторон.

– Мне жаль, – прошептал он.

Его След ушел из моего сознания. Я была на волосок от гибели. Моя жизнь находилась в его руках.

Я вцепилась в его предплечье.

– Мне тоже.

Тьма из моих рук просочилась в его запястье. Его кожа отвалилась, отделившись от плоти там, где я его держала. Слой за слоем. Кожа, подкожный жир, мышцы, сухожилия. Его тело постепенно расслаивалось, и в конце концов моей щеки касалась только голая кость. Его безумный крик эхом отражался от барьера, пока его скелет не превратился в пыль, как все остальное тело. От отца Сэры не осталось ничего, кроме красного пара, от которого отчетливо пахло кровью.

Ничто не могло управлять Хаосом. Он разрушал все, к чему прикоснется. Даже сейчас, когда мой позор терзал меня, поднимаясь в моей груди, словно воды прилива в шторм, ветер внутри барьера снова неистовствовал и трепал мою ветхую робу. Ближе, чем поцелуй, проникая под кожу, пока исходящая от него скверна не запятнала наконец мое сердце.

Я зажмурилась, прижав к груди сломанное запястье; по щекам полились горькие слезы. Сэра никогда бы меня не простила. Я убила ее отца. И ради чего? К чему это привело? Удовлетворило ли это хоть чем-то ненасытное любопытство Далилы?

За барьером послышались шаги. Стражи несли щиты, покрытые «бликами», чтобы защититься от моей силы. Вслед за ними шла женщина-алхимик со шприцем в руке. Если она считала, что я буду сопротивляться, она глубоко ошибалась. Я хотела ощущать эту силу ничуть не больше, чем они хотели, чтобы я ей обладала.

Я проклинала След, который несла, метку на моей спине и день, когда я только посмела мечтать о том, чтобы стать чем-то большим, чем избалованная папенькина дочка с симпатичным паровозиком.

Я меняла стороны. От постоянных рамок до полного их отсутствия. От полной беспомощности до обладания слишком многим. Я бы все отдала за то, чтобы снова оказаться ниже всех. Чтобы снова не быть самодостаточной.

Никто не знает, что я здесь. Никто не придет меня спасать.
Я смотрела на красный пар, пропитавший камень. Что ж, может, оно и к лучшему.

Глава 3. Николай

Не успел мой экипаж свернуть с боковой подъездной дорожки, как за домом раздался страшный грохот. Сразу после этого из гаража Эсмерельсы показался хвост дыма.

– Эсме? – позвал я.

Из двухэтажного кирпичного здания в дальнем конце сада никто не ответил, и, поскольку я мог видеть ее мастерскую только сбоку, источник дыма был скрыт от моего взгляда. Я обежал замерзший фонтан, чтобы проверить, как она.

– Выбрось эту пакость немедленно! – Эсме внутри громко ругала кого-то.

Я с облегчением сбавил скорость, однако ее тон заставил меня лишь сильнее насторожиться: моя кухня никогда ни на кого не кричала.

Я вошел в гараж и увидел, как братья Маркезе тычут друг в друга пальцами, а моя разозленная кухня разбирает кучу чего-то горелого в дальнем конце помещения.

– Да что тут происходит? – спросил я, обозначая свое присутствие, и поспешно прошел между двумя рядами какого-то металлолома, стараясь не запачкать костюм смазкой.

Арамис резко повернул голову в мою сторону. Его вспотевшее лицо блестело, а одна щека была запорошена пылью.

– Я ничего не сделал. Это все он!

– Я? – скептически спросил Джеремайя. Кончики его растрепанных белокурых волос слегка обгорели. – Да это ты на меня налетел! А я держал в руках открытый огонь.

– Почему бы вам обоим просто не заткнуться? Не понимаю, зачем вам вообще понадобилось ходить рядом с огнем! – крикнула Эсме. – Нико, ты не сможешь мне это погасить?

Она указала на грудку обгоревшего металла на рабочем столе. Из нее вырывались языки оранжевого и золотистого пламени. Дым клубами валит из разбитого окна.

Сложив руки куполом, ладонями к полу, я запечатал горящую конструкцию и погасил огонь. Потеряв доступ к кислороду, он постепенно угас, и лишь капли какой-то маслянистой жидкости падали на грязный пол. Эсме быстро подставила под них поддон.

– Вам всегда приходится делать всякие пассы руками? – спросил Арамис, копируя мои движения.

– Что? – Мой голос от удивления поднялся на целый тон. – Я... Нет, мне вообще не нужно двигаться, все намного проще. Эсме, ты в порядке?

Сестра сдернула очки-консервы, защищавшие глаза, и посмотрела на меня. Я слишком хорошо понимал, что она хочет сказать этим взглядом.

«Убери их отсюда».

– Да, я в порядке. Пытаюсь воссоздать корабельный двигатель по чертежам, которые предоставил Арамис. Если у меня получится воссоздать его в меньшем масштабе, мы сможем найти ему множество применений. Увы, кто-то, на кого я не буду показывать пальцем, зажег сигариллу, подпалив результат моего труда. – Она потерла глаза тыльной стороной ладоней, скрытых перчатками. – И теперь мне придется начать все заново.

– Я не виноват, – буркнул Джеремайя.

– Честно говоря, я говорил тебе не курить в гараже. – Арамис пихнул его в бок. – Она правда об этом предупреждала, Джер.

Эсме натянуто улыбнулась, сняла перчатки и небрежно бросила их на стол, рядом с которым стояла.

– Думаю, сейчас самое подходящее время сделать перерыв.

Действительно, самое время.

– Тогда встретимся в кухне, когда будешь готова. Мне как раз есть что обсудить с семьей. Арамис приподнял бровь.

– Только с семьей?

Семья Камиллы теперь, по закону и обычаю, была и моей семьей, независимо от того, как я к этому относился.

– Нравится тебе это или нет, Маркезе, теперь это касается и вас тоже. – Вздохнув, я посмотрел на них обоих. – Сначала приведите себя в порядок. Бабуля вам головы поотрывает, если вы притащите грязь на ее кухню.

Арамис оглядел свою одежду, словно только сейчас понял, что весь измазлся в мелкой серой пыли. Рукава его черной рубашки были закатаны до локтей. Его волосы, против обыкновения не зализанные назад при помощи воска, чуть завивались. Джеремайя был похож на него как две капли воды, только на голову ниже ростом и худой как щепка.

Эсме бросила одному из них чистую тряпку.

– Кыш отсюда, братец. Не хватало еще, чтобы ты замарал такой красивый костюм.

Она подмигнула, давая понять, что пошутила. Я ответил полуулыбкой, не в силах выразить никаких других эмоций, а потом прошел мимо них в дом.

Зима обрушилась на город, словно месть. Мелкие хлопья снега медленно падали с неба, тонким белым слоем покрывая спящий сад. Я засунул руки в перчатках поглубже в карманы, радуясь тому, как щиплет мое лицо ледяной ветер и как жжет в груди после глубокого вдоха.

Резкое похолодание пришло внезапно, и мне было любопытно, достигло ли оно южной оконечности Острова. В Хайтауэре всегда было холодно из-за ветров с моря и камня, из которого была построена тюрьма. Зима была жестокой по-иному. Я надеялся вернуть Миллу задолго до того, как выпадет первый снег. Эта погода настойчиво показывала мне, насколько мало я продвинулся в ее спасении. Меня убивало ее отсутствие, и я сам себе напоминал розы, увядшие от холодов, оставившие после себя лишь хрупкие колючие стебли.

Когда я вошел в кухню, открыв распашные двери, бабушка и тетушки готовили ужин. Лотар еще не вернулся, и я в глубине души волновался, не вляпался ли он в неприятности, подрывая мост. Эсме ослабила несущие металлоконструкции, когда отношения между Роу и Внутренним Судебным Орденом испортились окончательно. Мне хотелось убедиться, что жители Линчхэвена, несущие След, будут надежно защищены законом с приходом к власти нового руководства, хотя я и сыграл определенную роль в том, чтобы это руководство заняло свои должности.

– Николаи, – бабушка отвернулась от плиты и оглядела меня с головы до ног, – дерьмово выглядишь. Когда ты в последний раз нормально спал ночью?

Слишком давно. Слишком многое не давало мне заснуть. Слишком много проблем требовалось решить в тихие утренние часы.

– Как вы думаете, Милла хоть раз спала нормально с тех пор, как ее похитили?

Никто из них не произнес ни слова. Бабушка снова перевела взгляд на кастрюлю, в которой что-то кипело.

– Нет, – ответил я вместо них. – Я отдохну, когда Милла сможет отдохнуть.

И ни секундой раньше. Аттано – единственные, кто знает, что она жива. Братья Маркезе не покидали нашего поместья, прячась на случай, если Фиренце как-то прознают, что они выжили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.